

Глава №1

В четверг, в первый жаркий день мая, моя мама уснула на животе в шезлонге возле нашего еще закрытого бассейна. Я не знаю, как долго она там пролежала. Я увидела ее через заднее окно после того, как вернулась домой из школы.

Ее топ был расстегнут. Я увидел, что бретельки болтаются по обе стороны шезлонга. Ее нижняя часть была аккуратно сложена и лежала на книге рядом с шезлонгом.

Я увидел ее попку и отвернулся. "А, черт, давай, мам!" шипел я про себя. Собираясь направиться в свою комнату, я остановился. Я вернулся к окну и посмотрел еще раз - не потому, что мне понравилось то, что я увидел. Не понравилось. Я мог бы с радостью прожить остаток жизни, не видя больше никогда маминой попы.

Дело было в двух вещах. Во-первых, она выглядела сильно загоревшей. Во-вторых, в расщелине ее живота что-то было. Я прищурился и пробормотал: "Что за черт?".

Я прошел на кухню, открыл дверь на палубу и вышел, чтобы получше рассмотреть.

Да. Это был сильный ожог. И да, что-то разорвало ее пузо. Уф. Я отвернулась.

"Мама?" крикнул я.

Ничего.

"Мама!"

Она удивленно втянула воздух, а затем застонала.

Я закричала: "Ты обгорела! Ты заснула!"

"О! О-о-о-о. Ой!" - закричала она. "Не смотри, сладкая! Я неприличная! Ой, ой."

"Я и не смотрю. Ты в порядке? Что-нибудь нужно?"

"О. О, Боже мой", - пробормотала она, прежде чем позвать меня обратно: "Нет, спасибо!".

Я пошла наверх. Вскоре после этого я услышала, как раздвижная стеклянная дверь подо мной открывается и закрывается. Я подумал об ожоге и прошептал: "Ой".

Через несколько минут я услышал, как в ее спальне течет вода - холодный душ, как я предположил. Она позвала меня, когда закончила, и я пошел в ее комнату.

Она завернулась в темно-синюю простыню. Ткань была натянута на голову, и она была похожа на старую нищенку. "Мама, - засмеялась я, - посмотри на себя".

"Все болит от прикосновения к моей коже, кроме этого". Она даже звучала как старая нищенка, морщась и стоная. "Так глупо. Так глупо", - бормотала она. "Малейшее движение причиняет боль".

"Это выглядело довольно плохо", - предложил я. "Это отстой".

"Пожалуйста, не говори "хреново". Это грубо", - простонала она. "Я позвала тебя сюда, чтобы

ты знал, что сегодня тебе придется заняться нашим ужином. А теперь, пожалуйста, помоги мне лечь в постель".

Я помог. Она легла на живот и застонала. Менее чем через час она написала мне сообщение с указаниями забрать мазь от солнечных ожогов.

"Вернусь через несколько минут", - написала я и отправила. В ближайшей аптеке я купил "Успокаивающий гель-крем" и вернулся домой. Когда я показал ей контейнер, она слабо произнесла: "Тебе придется сделать это для меня, сахар - везде, где я обгорела".

Я вздохнул - может быть, немного слишком громко.

"Я так отвратителен для тебя, или это слишком большое неудобство - помочь твоей матери, когда она испытывает ужасную боль? Что именно?"

"Мам, я... я не хотела, чтобы это прозвучало так. Ты не... Все в порядке. Я рада помочь".

"Спасибо. Ты можешь натянуть простыню на мои ноги, но я не хочу слышать никаких комментариев о том, что ты видишь".

Я потянулся за простыней, и прежде чем я успел стянуть ее с ее тела, мама добавила: "И, пожалуйста, никогда никому об этом не рассказывай".

"Не буду", - сказал я. Затем я сдернул простыню, открыв человеческий омар. Я глотнула воздуха. "Мам, ты уверена, что тебе не нужно идти в отделение неотложной помощи из-за этого?"

"Нет. Я не буду платить в травмпункт за солнечный ожог. Садись и помоги мне".

Рядом с ней было много места. Я села и открутила крышку с банки с мазью.

Опустив мои пальцы в белую жижу, мама предупредила: "Что бы ты ни делала, не - повторяю: не - царапай меня ногтями. Будь очень нежной. Легкие, мягкие прикосновения".

"Хорошо."

Мама работает моделью для Bonny Blue - женской одежды, которая продается только онлайн или через их ежеквартальный журнал. Основной рынок Bonny Blue - американский Юг, и одежда рассчитана на высоких и крупных женщин.

Хотя мы уже не живем на юге, в маме есть что-то такое, что говорит о южанке в духе Долли Партон или Джессики Симпсон. У нее большие, вьющиеся светлые волосы - целые копны. У нее супер-голубые глаза - голубые, как летнее небо. У нее такое лицо, которое не нуждается в макияже, но которое хорошо переносит его большое количество. В фотосессиях она часто перебарщивает с этим. Мама высокая и не худая, и в 41 год она хорошо носит свой жир - не в толстых карманах, а равномерно распределенный по бедрам, рукам и животу.

Хотя это не совсем точно. У нее большой живот и большая грудь. Так что, может, и есть какие-то карманы, но я стараюсь не думать о ее теле; она - моя мама.

Однажды я застала своего друга за вырыванием страницы из одного из многочисленных журналов Bonny Blue, которые мы хранили бессистемной стопкой на полке под журнальным столиком. Там была фотография мамы на всю страницу в бикини со звездами и полосами,

улыбающейся и с одним из больших пальцев, засунутых под пояс бикини. После этого мы не были друзьями.

Хотя это была поздняя весна, журнал продолжал сезонную работу на три съемки вперед. Мама только что закончила зимнюю съемку в апреле. Следующая фотосессия должна была состояться в июле для весеннего номера следующего года со всеми новыми купальниками. Я знала, что с апреля по июль она использует любую возможность, чтобы привести свое тело в загорелое состояние перед следующей съемкой.

Получив неприятный солнечный ожог, она поставила себя в затруднительное положение. "Заживет ли это, - спросил я, - до следующей съемки?"

"Давайте убедимся в этом. Давай, начинай".

Я обмакнула пальцы в крем-гель, потерла ладони и очень нежно положила их на мамину спину.

"О. О. Нежнее", - попросила она.

"Я буду, мам".

Когда я начал втирать его, она остановила меня, вздрогнув. "Не втирай. Просто... просто оставь это".

"Там капельки и полоски", - указала я.

"Да, нанеси много и просто оставь. Не втирай. Это больно".

"Хорошо." Поэтому, вместо того чтобы втирать его в кожу, я осторожно вытер его об ее спину.

"Да", - сказала она. "Я думаю, это помогает. Ты помогаешь".

"Боль?"

"Плохо, но лучше, сахар".

Спустившись дальше по кровати, я посмотрел на ее большой живот. "Мам, я должен... должен сделать эту часть сейчас".

"Давай, и не комментируй. Я не хочу это слышать".

"Что слышать?"

"Просто заткнись и будь джентльменом. Не смейся".

"Не буду".

Я начал, вытирая мазь о ее задницу и пытаюсь замазать всю обожженную поверхность. Я решил, что так покрывать кожу будет лучше, потому что мне не нужно было ощущать ее попу - просто как бы натирать ее. Моя техника улучшилась, и я быстро перешел к задней части ее бедер.

К счастью, ее ноги были плотно сжаты вместе. Можно было не беспокоиться, что я случайно задену ее особое место. Через минуту или две я закончил с икрами. "Готово", - сказал я.

Ее спина выглядела так, как будто неумелый штукатур нанес на нее тонкий, бессистемный слой смеси, а затем бросил работу.

"Не надевай на меня простыню", - сказала мама. "Она станет жирной и прилипнет ко мне".

"Оставить тебя в таком виде?" спросил я.

Она кивнула. "Но ты можешь принести мне что-нибудь поесть? Что ты готовишь на ужин?"

"Замороженную пиццу, наверное".

"Принесешь мне пару-тройку кусочков?"

"Принесу".

"И немного чая... нет. Не чай. Принеси мне пиво и соломинку".

Я так и сделал.

Когда я подошла убрать за ней посуду, банка пива была пуста, а она спала. Я принес ей большую чашку ледяной воды и соломинку. Перед тем как уйти, я заметил, что от тепла ее тела мазь растаяла и приобрела прозрачный блеск. Я рассмеялся про себя: похоже, кто-то выкрасил ее спину в красно-рыжий цвет, а затем покрыл толстым слоем лака.

Я оставил ее одну на ночь.

Она звала меня около трех часов ночи.

Я побежала в ее комнату и открыла дверь.

"Можешь включить свет", - сказала она. "Я в порядке".

Я щелкнул выключателем. Простыня накрыла ее тело. "Что случилось, мама?"

"Боль", - сказала она. "Поскорее намажь еще кремом".

Я взяла банку с гумбочки и заглянула внутрь. Мы использовали тонну при первом нанесении.

"Наверное, хватит еще на один слой", - предупредила я, - "а потом она опустеет, мама".

"Возьми еще немного утром. Поторопись".

Я снова смазал ее спину, от шеи до икр. Это было так причудливо, когда мне пришлось окунать мамину попку в это вещество. Я не мог не заметить, как много у нее было попки. Она выпирала из ее спины резким, извилистым изгибом. Впервые в жизни я понял, что это может быть частью ее тела, которую другие мужчины находят возбуждающей.

Когда я сполоснул руки и забрался обратно в постель, я кое-что вспомнил. Мамин низ, когда она спала и загорала - там была эта штука. Что это было? Я попытался вспомнить, что я видел.

Это был маленький прозрачный кусочек пластика, и он был зажат сбоку между щеками ее большой задницы. Судя по тому, что я видел, эта штука выглядела так, будто... будто ее попка была открыта.

Проснувшись утром, я посмотрел на своем ноутбуке. Это называлось "средство для загара в стрингах". В описании говорилось, что он предназначен для тех, кто любит носить стринги на пляже или в бассейне. Его назначение заключалось в том, чтобы держать щеки врозь во время загара нагишом.

Я пожала плечами. У моделей, решила я, какое-то странное профессиональное оборудование.

Я заглянула в мамину комнату. Она перевернулась на бок, но поскольку она, похоже, мирно спала, я отправилась в аптеку.

Мне нужно было торопиться. Была пятница, и у меня была школа. Я была восемнадцатилетней выпускницей, и чуть больше чем через две недели мне предстоял выпускной.

Это был мой первый год в новой школе. Мы с мамой переехали из нашего маленького таунхауса в Нэшвилле на ферму под Сент-Луисом только прошлым летом. Я ненавидела оставлять всех своих друзей, но маме нужно было уехать от своего второго мужа. К тому же, мама всегда хотела жить в фермерском доме.

Конечно, у нас не было настоящей фермы; мы с мамой ничего не знали о сельском хозяйстве. У нас было два акра земли, длинная гравийная дорога и двухэтажный дом с бассейном, который стоял на участке. Вокруг нашего участка стояла стена сосен, а за ней простиралась квадратная миля кукурузного поля, которое принадлежало кому-то другому.

<http://erolate.com/book/3268/78256>